

съ подволою и меня привезли къ отцу. Здѣсь отецъ велѣлъ раскольничьему чернецу Нифонту меня перекрестить въ рѣчкѣ Ордонкѣ, что тотъ и сдѣлалъ и назвалъ меня Михаиломъ. И отцомъ своимъ я былъ наученъ класть крестъ двуперстнымъ сложеніемъ, а раскольнику безпоповищенской секты Данилову былъ отданъ для наученія русской грамотѣ, у котораго я выучилъ азбуку, часословъ и псалтырь. Въ расколѣ я былъ 4 года, а потомъ возвратился въ сл. Дмитріевку и здѣсь съ прочими православными ходилъ въ церковь Божію и женился на дочери Черкашенина Дубовскаго Агафѣ. Въ 1742 году по избранію и прошенію слободы Николаевки половиною части прихода митрополитомъ Антоніемъ былъ посвященъ во священника. Предъ посвященіемъ я исповѣдался у духовника Бѣлгородскаго Николаевскаго монастыря іеромонаха Кондрата и сказалъ ему о томъ, что былъ въ расколѣ; токмо онъ меня въ томъ разрѣшилъ и къ поставленію во священника удостоилъ. И въ Николаевской церкви я священнодѣйствія по церковному чину, не подъ видомъ, но въ самомъ сущемъ христіанскомъ дѣйствіи исполнялъ». Къ этому показанію священникъ Максимъ прибавилъ, что разрѣшившій его іеромонахъ уже умеръ, сказалъ ли онъ митрополиту Антонію о его признаніи, не знаетъ. На вопросъ, — почему же онъ не сказалъ о своемъ нахожденіи въ расколѣ митрополиту, свящ. Максимъ отвѣчалъ:

Я сумнѣвался, дабы не учинено было мнѣ въ производствѣ препятствія.

Относительно свящ. Максима, святитель Іоасафъ положилъ слѣдующую резолюцію: «О священникѣ Максимѣ, въ ереси посвященномъ, выписавъ изъ правилъ, предложить».

Какъ было окончено дѣло о священникѣ Максимѣ, неизвѣстно; но отмѣченный нами случай представляетъ весьма любопытное явленіе.

13.

Предосторожности относительно чумы.

Въ ноябрѣ 1772 года Бѣлгородская духовная консисторія получила изъ губернской канцеляріи тревожныя извѣстія объ «опасной болѣзни—чумѣ». Она въ то время угрожала